

УДК 81'373

**ТОПОНИМЫ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
ТАТАРСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ**

**TOPONYMS WITHIN THE PHRASEOLOGICAL UNITS
OF TATAR AND FRENCH LANGUAGES**

Ф. И. Тагирова, Р. Ф. Габбазова

F. I. Tagirova, R. F. Gabbazova

*Обособленное подразделение ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»
«Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан», г. Казань*

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу различных типов топонимов в составе фразеологических единиц (ФЕ) татарского и французского языков. На примере фразеологических единиц посредством топонимов, имеющих лакунарный и функционально ограниченный характер, автор раскрывает нюансы различных событий в исторической и культурной хронике татарского и французского народов. Выявлен факт, что в татарских фразеологических единицах часто упоминаются периферийные относительно Казани как культурно-исторической столицы татар топонимы: Булгар, Бухара, Сибирь, а также присутствует частое обращение к гидрониму Идел (Волга). В отличие от татарских, во французских фразеологизмах выявлено частое упоминание Парижа и редкое употребление гидронимов.

Abstract. The article is devoted to the analysis of different types of toponyms within the phraseological units of the Tatar and French languages. The author reveals the important events in the historical and cultural chronicle of the Tatar and French people on the example of phraseological units, by means of toponyms of lacunar and functionally limited character. The given examples show that in the Tatar phraseological units there are toponyms which are peripheral regarding Kazan being a cultural and historical capital of the Tatars. They are Bulgar, Bukhara, Siberia. The reference to the hydronym of Idel (Volga) is quite often. In the French phraseological units the mentioning of Paris is often and the mentioning of hydronyms is seldom.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, топоним, татарский язык, французский язык, сопоставление.*

Keywords: *phraseological units, toponym, Tatar language, French language, comparison.*

Актуальность исследуемой проблемы определяется тем, что в современную эпоху происходит процесс формирования человеческого сообщества в виде «глобальной деревни». Именно так называет этот феномен современная социально-философская наука. Как результат возникает острая необходимость глубоких познаний языков контактирующих друг с другом народов. В этом свете особо актуальным становится вопрос преодоления различий в понимании одних и тех же понятий представителями различных культур. Одним из путей решения данной проблемы является исследовательская работа в области сопоставительно-лингвистических исследований, опыт которых представлен в настоящей статье.

Материал и методика исследований. Для исследования нами использован фразеологический пласт топонимов татарского и французского языков. В основе исследования лежит методика сопоставительного анализа фразеологизмов татарского и французского языков в семантическом и лингвокультурологическом аспектах.

Результаты исследований и их обсуждение. На сегодняшний день мы можем констатировать факт все более углубляющейся коммуникации между различными этносами и культурами. Такого рода коммуникация подразумевает необходимость углубленного изучения языка другого народа. Как гласит татарская пословица, *Һәр илнең ачкычы – тел, телен белгән ил ачар* (Язык – ключ к каждой стране, тому, кто владеет языком, открывается страна). Таким образом, древняя мудрость подчеркивает, что изучение языка дает возможность приблизиться к пониманию его культуры, становится ключом к сокровищнице опыта народа, еще одной из граней мировой культуры. Потому что изучение языка – это не чисто механическое освоение звуков или слов. Для каждого народа свойственна своя языковая картина мира, та модель мира (форма бытия), которая формируется столетиями и отражается в языке ее коренных носителей. Говоря словами Г. Гачева, «все произносят одни и те же слова – и на политических конференциях, и на международных научных симпозиумах, а ведь люди из разных культур разумеют под ними очень разные вещи» [2, 14–15]. Еще В. Гумбольдт говорил о том, что даже хорошо изучивший другой иностранный язык человек будет испытывать трудности при понимании мировоззрения представителя этой другой культуры: «... мы в большей или меньшей степени переносим на иностранный язык свое собственное миропонимание и, больше того, свое собственное языковое представление о языке...» [3, 81]. Поэтому, по мнению Г. Гачева: «... чтобы мнимое взаимопонимание максимально приближалось к действительному, надо делать поправку на национально-историческую систему понятий и ценностей, т. е. учитывать, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем я» [2, 15].

В каждом языке есть некое смысловое ядро, которое формируется веками, и именно оно отражает самые тонкие нюансы и особенности культуры народа, понятные только коренному носителю. Важным компонентом данного смыслового ядра является фразеологический фонд языка. Фразеология – это своеобразная сокровищница языка, зеркало души народа, которое отражает его мировосприятие, мировоззрение, миропонимание. Как пишет В. Телия: «Характерологические черты, присущие... картинам мира, запечатленные во фразеологизмах, вносят культурно-языковую специфику во фразеологический крой того или иного языка. Эти данные служат надежным материалом для сопоставления «фразеологических фрагментов» культурного самосознания тех или иных языковых сообществ» [11, 16]. В целом можно говорить об универсальности фразеологической картины мира, и в то же время у каждого народа она имеет свою уникальную выраженность. «Коды культур как феномен универсальны по природе. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой» [7, 5]. Верность этого тезиса подтверждается в работах последних лет, посвященных исследованию фразеологии по различным семантическим полям или по значимым компонентам. Так, в самостоятельное микрополе исследователями довольно часто выделяются фразеологические единицы, в состав которых входят соматизмы, фитонимы, антропонимы, зоонимы, топонимы и т. п. Благодаря этому на конкретном фразеологическом материале можно проследить отражение историко-культурных особенностей жизни общества: его истории, экономики, политики, обычаев, быта, природно-географических условий и

т. д. Сопоставительное же изучение такого рода материала дает наиболее полную и яркую картину специфичности языковых картин различных сообществ. Как пишет А. А. Хабибуллина, «национально-культурная специфика ФЕ, создаваемая различными факторами и, прежде всего, специфической для данного народа лексикой, делает фразеологизмы одним из важнейших фрагментов языковой картины мира и ценным объектом сопоставительных лингвокультурологических исследований» [12, 211]. Н. И. Якимова также обращает внимание на значение данной проблемы: «Изучение фразеологических систем национальных языков в сопоставлении друг с другом расширяет возможности выявления в том или ином языке каких-то новых явлений, присущих только данному языку и ранее не отмеченных, а также возможности рассмотрения сходных и различных черт среди всего многообразия» [13, 222].

В нашей работе предметом исследования являются фразеологические единицы татарского и французского языков с компонентами-топонимами. Результаты их сопоставления демонстрируют специфичность не только в различии конкретных зафиксированных топонимов, но и в образном, метафорическом компоненте, что свидетельствует о том, что фиксировался различный культурно-исторический опыт, различные культурно значимые события средствами различных языков. Иными словами, налицо лакунарность. Л. К. Байрамова определяет лакунарную единицу как единицу, «которая в другом языке имеет пробел, пустоту, то есть лауну – нулевой коррелят лакунарной единицы. Таким образом, лакунарная единица является принадлежностью одного языка, а лакуна – принадлежностью другого» [1, 43].

Обратим внимание в первую очередь на фразеологические единицы с такими значимыми компонентами, как астионимы или полнеонимы, т. е. названия конкретных городов; проанализируем частотность, употребительность и особенности их функционирования в сопоставляемых языках. Так, анализ соответствующего материала показывает, что в татарской фразеологии очень редко фигурирует название города Казани, тогда как во французском языке обращение к названию столицы страны Парижу множественно. Рассмотрим следующие примеры:

Paris vaut bien une messe! (досл. Париж стоит мессы!) [8]. Так воскликнул Генрих IV, когда он отрекся от протестантской религии и принял католичество, чтобы вернуться в Париж и занять трон;

Paris ne s'est pas fait en un jour (досл. Париж не за один день строился) [8]. Любое большое дело, как и большой город, создается, строится не сразу, постепенно, этап за этапом;

Avec un si on mettrait Paris en (dans une) bouteille (досл. Если бы Париж можно было поместить в бутылку) [8] соответствует русскому 'Если бы да кабы, так во рту росли бы грибы';

Paris appartient a ceux qui se lèvent tôt (досл. Париж принадлежит тем, кто рано встает) [8]. – Кто рано встает, тому Бог подает;

Paris (disait-on jadis) est le paradis des femmes, le purgatoire des hommes et l'enfer des chevaux (устаревшая пословица) (досл. Париж (говорили когда-то) – рай для женщин, чистилище для мужчин и ад для лошадей) [8];

Il est venu (on l'a vu venir) a Paris en sabots (досл. Он пришел (видели, как он пришел) в Париж в сабо) [8]. Он бедняком пришел в Париж и там разбогател. (Сабо – старинные французские башмаки, выдолбленные из дерева).

Для обозначения столицы Франции также используются образные наименования:

nouvelle Athènes (букв. ‘новые Афины’) [8]. Подобно тому как в свое время в Древней Греции город Афины был мощным, культурным центром, так и город Париж в новое время стал одним из известнейших центров цивилизации;

la nouvelle (moderne) Babylone (букв. ‘новый Вавилон’) [8]. Как в древности город Вавилон был мощным, культурным центром, так и город Париж в новое время стал одним из известнейших центров цивилизации.

Названия *Казань* и *Булгар* не так частотны в татарской фразеологии, как вышеуказанные во французской. Тем не менее ФЕ с данными компонентами зафиксированы во многих источниках. Рассмотрим несколько примеров с названием этих столичных городов:

Алдың Казан өлгесе, артың Мәскәү көзгесе (досл. Спереди по казанскому образцу, а сзади как в московском зеркале) [6]. Используется в значении ‘одет по столичной моде, хорошо выглядит’;

Болгар икән олтаны (досл. Подметки-то болгарские) [6] – ‘хорошие, качественные подметки, в целом качество обуви хорошее’;

Болгар олтаны (досл. болгарские подметки) [6] – ‘качественные, практичные подметки’. В последних выражениях не случайно зафиксирован компонент *Булгар*, так как город издавна был известен как центр кожевенного производства.

Теперь рассмотрим некоторые фразеологические единицы татарского языка, в которых присутствует астионим *Бухара*. Сам по себе тот факт, что название довольно далекого в географическом отношении города нашло отражение в татарской фразеологии и паремиях, говорит о том, что этот город занимал важное место в татарской истории и культуре. Действительно, вплоть до 18 века Бухара являлась одним из крупнейших центров просвещения и культуры во всем восточно-мусульманском регионе. Биография многих татарских ученых, теологов, деятелей культуры и литературы связана со Средней Азией, и в частности с Бухарой как центром образования. Остановимся на следующих примерах:

Бохар ишаге (досл. бухарский осел) [4] – ‘ленивый, упрямый, глупый’;

Бохара жимеше (досл. бухарский фрукт) [4]. Говорится о шакирде, мулле, который проходил обучение в Бухаре;

Без белмәгән аз булыр, Бохарада таз булыр (досл. Мы мало чего не знаем, разве что про плешивого в Бухаре) [4]. Дескать, мы все знаем;

Андый гына кимчелек Бохар киявендә дә була (досл. Такой небольшой недостаток и у бухарского жениха бывает) [4] – ‘ничего не бывает без недостатков, даже у самых положительных людей имеются недостатки, мол, это можно простить’;

(Аңа) булды – бохари, булмаса – сохари (досл. Если будет – бухарское, если нет – сухарь) [4]. О человеке, которому все равно, который не ставит цели, не думает о том, чего добиться, который довольствуется тем, что выпадает;

Булса – Бохара, булмаса – истихара (досл. Если будет – Бухара, если не будет – истихара (сон)) [4]. Задумывая какое-либо дело, перед сном загадывали, каков будет его исход. Этот сон назывался ‘истихара’. Выражение подразумевало: ‘Если все получится, поедем в Бухару, если нет, будем считать, что толкование сна было ошибочным и делу конец’;

Бохарага барса, аягын әжиргә тиермәсләр иде (досл. Если бы поехал в Бухару, ему бы не позволили ногой земли коснуться) [4]. Говорится с иронией, имея в виду, что из-за невежества наш народ не понимает ценности этого человека, тогда как в таких крупных культурных центрах, например, как Бухара, давно бы оценили его мудрость и носили на руках;

Аның өчен Бохарага барасы юк (досл. Для этого в Бухару ехать не надо) [4] – ‘дело довольно просто решается’.

Далее обратимся к следующему виду ФЕ, включающих в качестве компонента названия сельских местностей, т. е. такие виды топонимов, как хорионимы или комони-мы. В количественном отношении в татарском языке, по сравнению с французским языком, такого рода фразеологизмы преобладают. Это, скорее всего, говорит о том, что французская культура имела возможность интенсивного развития в городском ареале, в то время как «живая» татарская культура, особенно язык, в большей степени сохранялась в сельской местности.

Приведем следующие примеры:

Шекә пәрие (досл. нечистая сила из Шеки) [5]. Миф, выдуманный Яхъя муллою, усмирителем чертей, который в начале 19 века жил под Казанью в деревне Шека;

Әжем казы (досл. гусь из Азима) [4]. Используется в значении ‘не умеющий плавать’. В деревне Азим Тетюшского района была очень маленькая речка, и, мол, поэтому гуси пили воду только из колодца и не умели плавать;

Битаман бизгәге (досл. битаманская лихорадка) [4]. Используется применительно к надоедливому человеку. Село Битаман было расположено на болотистой местности, поэтому там частым явлением была лихорадка, причем она не излечивалась, все время повторялась. Таким образом, назойливый человек ассоциируется с мучительной лихорадкой;

Лаеш шулпасы эчү (досл. пить лаишевский бульон) [5]. Фразеологизм возник на основе следующего исторического факта. Татарское сельское население, будучи государственными крестьянами, привлекалось к различным тяжелым казенным работам. Одной из них была заготовка дубового леса в дубравах близ села Лаишево под Казанью. Вальщики леса кормили пустой казенной похлебкой (тат. шулпа) без мяса. С тех пор о человеке, которому пришлось перенести много трудностей, многое пережить, говорят, что он хлебнул «лаишевской похлебки»;

Минзәлә шулпасы эчмәгән (досл. Не пил минзелинского бульона) [6]. Говорится о человеке, который еще не успел повидать много трудностей и не встречал на своем жизненном пути настоящих испытаний;

Әнә сиңа Карадуган юлы (досл. Вон тебе дорога на Карадуган). Пожелание злему человеку. Здесь зафиксировано название села Карадуган. Оно стояло на Сибирском тракте, по которому в свое время отправляли в Сибирь каторжников [10, 231];

Байсар бикәсе булып утыру (досл. сидеть, как байсарская барышня) [4]. – Сидеть ничего не делая, считая себя за высокую особу.

Во французском языке, в отличие от татарского, встречается немало фразеологических единиц с наименованием стран. Рассмотрим следующие примеры:

Gagner le Pérou (досл. выиграть Перу) [8]. – Внезапно разбогатеть;

C'est le Pérou (досл. это Перу) [8]. – Это золотая жила, золотое дно, это Эльдorado;

Ce n'est pas le Pérou (досл. это не Перу)[8]. – Это не бог весть что;

Tourner comme une tourpie d'Allemagne (досл. вертеться как германская юла) [8]. – Вертеться как юла или подчиняться во всем;

Querelle d'Allemagne (досл. германская ссора) [8]. – Пустая ссора, ссора из-за пустяков;

Filer en Belgique (досл. убежать в Бельгию) [8]. – Скрыться, не уплатить кредиторам;

Batir des chateaux en Espagne (досл. строить замки в Испании) [8]. – Строить бесконечные планы, предаваться безудержной фантазии;

La murailles de Chine (досл. китайская стена) [8]. – Китайская стена;

Tabac de Chine (досл. китайский табак) [8]. – Выпрошенный табак. Употребляется в просторечии;

Graine d'Amürique (досл. американское зерно) [8]. Так говорят о кофе;

Oncle d'Amürique (досл. американский дядюшка) [8]. – Неожиданно оставленное большое наследство;

Partir en Java (досл. поехать на Яву) [8]. – Кутить, пировать, предаваться разврату.

В татарском языке зафиксировано большое количество ФЕ с топонимом *Сибирь*. В этих ФЕ отражается трагическая судьба татар и в целом российского народа, когда неудобных для российского государства или же несогласных с имперской политикой людей ссылали в Сибирь. Таким образом, Сибирь здесь выступает как символ изоляции от центра цивилизации. Рассмотрим следующие примеры:

Безгә Себер ни, Сембер ни (досл. Нам что Сибирь, что Симбирск) [9]. Говорится в значении 'ему без разницы, что Сибирь, что Симбирск', подразумевая бесшабашного человека, для которого что Сибирь, что Симбирск, хотя эти местности находятся в прямо противоположных направлениях;

Акчам Себер китте (досл. Мои деньги ушли в Сибирь) [4]. В значении 'деньги пропали, ушли впустую, на ветер';

Беткән баш беткән, Себер киткән, муен калса житкән (досл. Пропащая голова пропащая, ушла в Сибирь, достаточно, если хоть шея останется) [4]. – Если отправят в Сибирь, не так страшно, главное, чтобы жив остался;

Баш Себер китү (Себер китү) (досл. Голова ушла в Сибирь) [4] – 'пропасть, быть в большой опасности';

Себер юлы тап-такыр (досл. Сибирская дорога – ровная) [5]. В значении 'никто не гарантирован от того, чтобы быть сосланным в Сибирь'. Говорится в виде предупреждения;

Себердә дә бер кояш, Сембердә дә бер кояш (досл. И в Сибири, и в Симбирске солнце одно) [5]. Говорится в утешение, подразумевая, что жизнь везде одинаково трудна';

Себере дә, Сембере дә бергә (досл. Сибирь и Симбирск вместе взятые) [5]. Когда говорят о чем попало и т. п.

Что касается гидронимов – названий водных источников, в составе ФЕ французского языка наблюдается их немногочисленность, и в основном это ФЕ с мифическими гидронимами или гидронимами библейского происхождения:

Boire le Styx (досл. пить из Стикса) [8] – 'уйти из жизни, умереть';

Se plonger dans le Lüthü (досл. нырнуть в Лету) [8] – 'кануть в Лету'.

В татарском языке ФЕ с гидронимами зафиксировано намного больше, чем во французском языке. Наиболее часто в этих единицах фигурирует название реки *Идел* – Волга. Причем, Волга – это только одно из значений слова *Идел*. В приведенных ниже примерах зафиксированы и другие его значения:

Илле батман Идел суы (досл. Волжская вода пятьдесят батманов) [6]. – Невкусный, жидкий суп с очень малым количеством мяса;

Чишмәне Иделгә түккән (досл. Вылил ручей в Волгу) [6]. О чрезмерной, неуместной щедрости;

Илгә таянган Идел кичәр (досл. Тот, кто опирается на страну (т. е. народ), перейдет Волгу) [6]. – 'Тот, кто вместе со своим народом, опирается на народную силу, сможет преодолеть даже большие препятствия и трудности';

Изге кеше Идел кичә (досл. Святой человек перейдет Волгу) [6]. – Безгрешный человек может преодолеть любые трудности, даже подобные одной из самых могучих рек – Волге;

Иманлы Иделгә батмый (досл. Совестьливый в Волге не утонет) [6] – Совестьливый человек может преодолеть любые напасти, преодолеть большие трудности;

Ирле Идел кичкән (досл. Если есть муж, и Волгу перейдешь) [6] – Замужняя женщина – женщина, у которой есть опора, ей не страшны невзгоды;

Идел бер, чиммәсе мең (досл. Волга одна, ручьев у нее – тысяча) [6] – Большое складывается из малого;

Идел кичми ир булмас (досл. не станет мужчиной, не перейдя Волги) [6] – Мужчина, пока не пройдет жизненные испытания, не сможет стать настоящим мужчиной’;

Ил сүзе Идел дулкыны (досл. Слово общества – волна Волги) [6] – Мнение общества – большая сила, с которой нужно считаться и т. п.

Резюме. В заключение можно сформулировать некоторые выводы:

– большинство фразеологических единиц с компонентом-топонимом, принадлежащих к разносистемным языкам, коими в данном исследовании выступают татарский и французский, являются лакунарными, т. е. не имеют языкового соответствия в другом языке;

– значительное число фразеологизмов с зафиксированными в них топонимами, особенно микротопонимами, в силу их культурно-исторической маркированности принадлежат к функционально ограниченному пласту языка;

– частотность употребления тех или иных компонентов-топонимов в ФЕ сопоставляемых языков зависит от значения самого объекта в жизни данного языкового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байрамова, Л. К.* Введение в контрастивную лингвистику / Л. К. Байрамова. – Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 116 с.
2. *Гачев, Г. Д.* Национальные образы мира : курс лекций / Г. Д. Гачев. – М. : Издательский центр «Академия», 1998. – 432 с.
3. *Гумбольдт, В.* Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 396 с.
4. *Исәнбәт, Н. С.* Татар теленә фразеологик сүзлегә : ике томда. 1 т. / Н. С. Исәнбәт. – Казан : Тат. кит. нәшр., 1989. – 495 б.
5. *Исәнбәт, Н. С.* Татар теленә фразеологик сүзлегә : ике томда. 2 т. / Н. С. Исәнбәт. – Казан : Тат. кит. нәшр., 1990. – 365 б.
6. *Исәнбәт, Н. С.* Татар халык мәкальләре : өч томда. 3 т. / Н. С. Исәнбәт. – Казан : Тат. кит. нәшр., 1967. – 1013 б.
7. *Красных, В. В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. – М. : МАКС-Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–21.
8. *Новый большой французско-русский фразеологический словарь* / В. Г. Гак и др. ; под ред. В. Г. Гака. – М. : Рус.яз. ; Медиа, 2005. – 1625 с.
9. *Сафиуллина, Ф. С.* Татарча-русча фразеологик сүзлек / Ф. С. Сафиуллина. – Казан : Мәгариф, 2001. – 335 б.
10. *Тагирова, Ф. И.* Фразеологизмы с компонентами-онимами как отражение этноспецифической языковой картины мира (на материале татарского и турецкого языков) / Ф. И. Тагирова // Материалы VII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья», Казань, 2–5 июля 2008 г. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 230–232.
11. *Телия, В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры : сборник статей. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
12. *Хабибуллина, А. А.* Концепты, моделирующие внутренний мир человека (на материале татарского, английского и французского языков) / А. А. Хабибуллина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1 (69). Ч. 1. – С. 208–213.
13. *Якимова, Н. И.* Межъязыковые соответствия соматических фразеологизмов чувашского, татарского, башкирского и турецкого языков / Н. И. Якимова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1 (69). Ч. 1. – С. 221–224.